



Даниил Константинов. Фото: fedorov-selsky.livejournal.com

25.12.2013, 10:25 Москва

ДОКУМЕНТЫ

Последнее слово Даниила Константинова на суде

Прежде всего, я хочу поблагодарить всех тех, кто пришёл сегодня на наше судебное заседание, всех тех, кто всё это время, почти 2 года посещал наши суды и даже всех тех, кто следил за этим процессом с помощью средств массовой информации и в интернете и посмотрит, возможно, моё обращение в записи.

Спасибо вам! Я очень рад, что у меня есть такая благодарная и достойная аудитория. Вы — лучшие люди России.

Ваша честь! Господа адвокаты! Друзья, товарищи, близкие!

Я абсолютно уверен в том, что все здесь присутствующие, включая представителей обвинения,

твёрдо знают, что я не совершал вменяемого мне преступления. Больше того, вообще к нему не причастен. В тот злополучный день, которым стал для нашей семьи День рождения моей мамы, 3 декабря 2011 года я находился на другом конце города от места преступления в 20 километрах, в ресторане «Дайкон», где вместе с близкими и гостями праздновал наш семейный праздник. Моё алиби нашло полное подтверждение, как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия. Мне не хочется говорить о фактической стороне дела.

Всем и так всё понятно. К тому же, ложное обвинение в убийстве — «кровавый навет» — который на тебя навешивают другие, это всегда очень тяжело, поверьте мне!

И тем не менее, говорить придётся.

Как в Древнем Риме, когда публичным деятелям бросались ложные обвинения, и они вынуждены были публично защищаться в суде, так и сейчас я сделаю это. Правда, в Древнем Риме эти люди, как правило, приходили в суд своими ногами: без наручников и автозаков, без прокуренных туберкулёзных тюремных сборок, в которых нам — подозреваемым и обвиняемым — приходится проводить по многу часов в день. Да, Древний Рим ушёл дальше, чем мы, в деле уважения и защиты прав своих граждан. Древнее рабовладельческое государство ушло в своём развитии дальше, чем современная Россия. Это прекрасно знают те, кто услышит моё слово и те, кто уже бывал в застенках нашей исполнительной системы. Те, кто знает, что такое готовиться к суду, те, кто знает, что такое ранние подъёмы, длительные часы ожидания в сборках, автозаках и боксах в суде. Те, кто знает, как эта система перемалывает тебя, и когда ты добираешься до зала суда, у тебя уже не остаётся физических и моральных сил для того, чтобы защищаться. Эта система устроена

таким образом, чтобы сломить саму волю к сопротивлению, чтобы человек смирился и принял наказание как должное.

И, тем не менее, мы не смиряемся! Мы всё равно защищаемся, и ещё как!

Давайте вернёмся к нашему делу.

На наш взгляд, обвинение в данном процессе

потерпело полное фиаско. Обвинительное заключение разгромлено по всем направлениям. Судите сами. Меня обвиняют в том, что 3 декабря 2011 года, в День рождения своей матери Константиновой Галины Алексеевны, я с неустановленной целью, по неустановленной причине с неустановленными лицами неустановленным способом отправился на противоположный от своего места жительства и работы конец города, где из неустановленной неприязни к внешнему виду панков ввязался в ссору и убил неизвестного мне человека неустановленным ножом. А потом неустановленный источник неустановленным способом сообщил неустановленному оперативнику о моей возможной причастности к этому преступлению. Да, да, Вы не ослышались — в этом уравнении слишком много неизвестных!

Но это не смущает ни сторону обвинения, ни суд, который принял это дело и всерьёз его рассматривает.

Не смущает обвинение и суд и заведомая абсурдность представленной картины, в которой 27-летнему на тот момент юристу молодому политику приписывается поведение неадекватного девиантного подростка: странные диковатые путешествия по Москве с огромным ножом, плевки в прохожих, драка и поножовщина. Всё это — вместо того, чтобы праздновать семейный праздник в кругу близких. И это несмотря на то, что в деле имеется полно материалов, характеризующих меня как раз-таки с противоположной стороны. И это несмотря на то, что в

судебном заседании были допрошены многие свидетели по характеристике личности, которые напрочь отрицают саму возможность такого поведения с моей стороны.

Но, что же у них с доказательствами? Давайте присмотримся поближе к той картине, которую представило нам обвинение, и изучим её в деталях.

Плевок, с которого согласно версии обвинения началась ссора на Янгеля [1]. Он оказался чистой выдумкой! Слюна так и не найдена ни на куртке убитого, ни на его теле, ни на месте преступления. Не найдена не только моя слюна, но и никакая другая! Видимо, это было фантазией Софронова, придуманной для того, чтобы хоть как-то объяснить ссору на Янгеля, закончившуюся такой страшной поножовщиной. Ведь мы знаем с вами, что людей не режут просто так. Возможно, Софронов и Темников сами спровоцировали драку. Возможно, они сами на кого-то напали и получили столь жестокий отпор. Нам это неизвестно. Отсутствие слюны для следствия было так трагично, что пришлось проводить дополнительный допрос эксперта и ставить перед ним заведомо идиотский вопрос: «А могла ли слюна исчезнуть сама собой?» Эксперт, естественно, ответил, что не могла. Правда, потом, желая поддержать захромавшее следствие, добавил, что слюну могло смыть водой. Потом, обвинение многозначительно запишет в обвинительном заключении, что «шёл дождь». Давайте прямо скажем, что 3 декабря 2011 года шёл тропический ливень, который смыл эту слюну! Может это объяснит этот пробел в обвинении? Вот что интересно: кровь на теле и одежде — не смыло, грязь — не смыло. А вот слюну могло смыть! Очевидная подгонка фактов для следствия, чтобы скрыть образовавшуюся в фактах брешь. А ведь про плевков на куртку Софронов говорит во всех своих показаниях! Плевков на куртку кочует из одного протокола в другой, это единственное, что в них неизменно. И это единственное неизменное в нашем уравнении — не найдено! Не нашло

своего подтверждения. Вот такая вот волшебная слюна! А может и вправду волшебная? Софронов же говорил на своём допросе в суде, что он волшебник!

Вопрос только в том, что если эти неизменные показания Софронова не подтвердились, то почему мы должны доверять и любым остальным показаниям?

Следующая деталь — нож. Нож так и не найден, да и не мог быть найден: искали не у того! Обыскали всё: две квартиры, мою машину, и даже — офис отца! И не смогли найти ничего, что могло бы убить Темникова. Зато — изъяли 8 компьютеров, бухгалтерию на несколько организаций, печати, договоры с клиентами и так далее, и тому подобное... Видимо, рассчитывая найти там, чем бы можно было поживиться. И тем не менее — не нашли. А прошло уже почти 2 года. И вот, чтобы восполнить ещё один пробел следствия, Софронов спустя много месяцев вспоминает и рисует нож, в точности подогнанный под результаты экспертизы, чтобы совпадало с раной. А потом следователь отправляет рисунок ножа на экспертизу. **РИСУНОК НОЖА — НА ЭКСПЕРТИЗУ!** Эксперт, разумеется, отвечает, что нужен оригинал — настоящий нож. Вот только, проблема в том, что Софронова, скорее всего, не было в день допроса в Москве. Видимо, он был на другом допросе — в городе Ваца, по своему уголовному делу о кражах. Но следствие и суд предпочитают не обращать на это внимание. Он же пояснил во время допроса, что он волшебник! И именно поэтому сумел добраться из одного города в другой на автобусе.

Следующий элемент доказательства — биллинг.

Детализация входящих и исходящих вызовов абонента с привязкой к местам базовых станций. Биллинг! Их так любит запрашивать следствие, использовать — обвинение! Тогда, когда это им выгодно. Я знаю десятки судебных решений, в которых биллинги являются основным, а порою и единственным доказательством

вины. Из-за этих самых биллингов люди на многие годы отправляются в лагеря. А что же у нас? У нас в деле биллинги полностью опровергают обвинение. Мой телефон за полгода не пробивается на месте преступления ни-ког-да! В том числе — в день преступления. Повторяю: в день преступления, мой телефон не фиксируется на месте преступления и вообще на юге Москвы. Потому что я там не бываю. А где же он появляется? Последний раз — на улице Снежной, это противоположный конец города. А вот телефоны свидетелей алиби все пробиваются вблизи ресторана «Дайкон», что полностью соответствует их показаниям.

Следующий элемент — место преступления, фактура.

На месте преступления на трупе Темникова и на его одежде нет никаких следов, указывающих на меня: ни отпечатков пальцев, ни крови, ни волос, ни микрочастиц одежды либо ногтей — ничего, что бы указывало на меня. На мне, на одежде, изъятой у нас при обыске, также нет никаких следов Темникова либо Софронова. А они должны были остаться! Представляете себе эту жестокую драку, которую описывает Софронов? Эту резню! Такое количество крови осталось на месте преступления, вокруг в метро! И, ничего — на одежде, изъятой при обысках. Так не бывает!

Видеокамера. Как указал следователь Алтынников, отсмотрев видеозапись, на них нет сведений, интересующих следствие. Меня на записях из метро Янгеля нет. То есть, по крайней мере на метро я туда не приезжал. Может быть тогда — на машине? Следствием по нашей просьбе запрошены данные системы «Поток». Сам следователь этого не делал, и делать не хотел. Система «Поток» показала, что в этот день мой автомобиль на Янгеля не фиксировался. Он вообще не фиксировался на юге Москвы почти никогда, что полностью соответствует данным тех же биллингов. А что же говорит нам следователь Алтынников? «Система «Поток» —

несовершенна. Всё в нашем мире так несовершенно!» — говорит он во время своего судебного допроса. И ничего — это принимается!

Телефонные переговоры. В ПТП нет ничего, что бы указывало на меня, как на убийцу Темникова. Следователь так и написал: «нет сведений, интересующих следствие». Поразительная конспирация у убийцы: он так нигде и никогда не упомянул о совершённом им преступлении, и вообще о поездке на Янгеля.

Следующий элемент: мотив. С мотивом в нашем деле происходят очень странные вещи. Вначале мотив вообще отсутствует: убийство, которое возникло на почве внезапно вспыхнувшей личной неприязни. То есть — из ничего. В какой-то момент следствие понимает, что такой мотив не годится, для того чтобы сажать человека в тюрьму, и квалификацию преступления меняют: меня обвиняют в убийстве из хулиганских побуждений, что соответствует части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Но вот проблема: часть вторая статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации попадает под ведение Московского городского суда, и по ней можно запросить присяжных. Поняв, что Даниил Константинов так и сделает, следствие срочно переформатирует обвинение, снимает часть вторую статьи 105, вменяет часть первую, и обвиняет меня в убийстве на почве... не знаю чего. Из обвинительного заключения мне так и не удалось установить, каков же мотив преступления! Сначала, вроде как, нападавшему не нравится одежда или внешний вид неких «панков». Затем, у них завязывается ссора, и опять-таки «из внезапно вспыхнувшей личной неприязни», этот человек начинает этих «панков» резать. Странная картина, мне до конца не понятная. При этом, сам мотив в последнем его виде полностью отмечён самим же Софроновым на его последнем допросе. Софронов снова рассказывает про плевки, и, как бы ни старалось подвести его к этому

следствие или суд, он так ничего и не говорит о каких-то фразах, брошенных ему нападавшим. То есть, он не знал реального мотива нападения и ссоры. Мотив из дела исчез.

Теперь самое интересное — свидетели. По месту преступления у обвинения 3 свидетеля: Сальников, Софронов, Петров. И только один из них — Софронов — признаёт во мне участника драки на Янгеля. Сальников утверждает, что не видел меня на месте преступления, и даёт совершенно иную картину происшествия: драки в переходе не было, ножей не было, поножовщины не было. Было только два человека: Софронов и его преследователь, бежавшие в переход через стеклянную дверь. Преследователь делает подсечку Софронову, Софронов падает и убегает. При этом свидетель Сальников категорически утверждает, что Софронов во время своего падения и бега не мог видеть ничего, что происходило наверху либо на улице. Итак, картина, представленная нам Софроновым уже опровергнута другим свидетелем. Кстати, нужно отметить, что показания свидетеля Сальникова куда больше соответствуют криминалистической экспертизе, нежели то, что говорит Софронов: крупные пятна крови у входа в метро снаружи, брызги крови и следы от убегающего Софронова внутри метро. Видимо, никакой драки и поножовщины внутри перехода действительно не было.

Надо отметить, что показания свидетеля Сальникова, в отличие от показаний свидетеля Софронова, практически не меняются в ходе предварительного расследования и в самом суде, в отличие от показаний того же Софронова. Примерно он говорит одно и то же, за исключением того, что в ходе судебного допроса он отрицал тот факт, что знал имя, фамилию, отчество Софронова и записал их в протоколе допроса. Сальников вообще утверждает, что протоколы допросов не читал! Он плохо читает. И это не новость в этом процессе, потому

что свидетель Софронов говорит то же самое. Два ключевых свидетеля обвинения не читали протоколы своих допросов, которые теперь можно отправлять в мусорную корзину! Всё предварительное расследование — коту под хвост! Вы когда-нибудь сталкивались с таким? Я — нет. Свидетель Петров вообще не запомнил нападавших. Правда, отметил, что самый крупный агрессивный нападавший был крупнее Темникова, рост которого 1 метр 90 сантиметров. Что же это был за бугай? Мой рост, к примеру, составляет 1 метр 80 сантиметров, я заметно ниже Темникова.

Свидетель Софронов заслуживает особого внимания. 9 классов образования. В 13 лет впервые совершает кражу в колхозе, за что и был поставлен на учёт в комиссию по делам несовершеннолетних. Постоянно меняет места работы, подолгу нигде не задерживаясь. Является, по его собственным словам, «анархо-панком». Хотя, что такое «анархо-панки», он внятно объяснить не может. Так, говорит: тусовки, вечеринки... Судя по всему, ни Бакунина, ни Кропоткина этот субъект прочитать не удосужился. (А я вот, например, их читал.) В перерывах между следственными действиями этот Софронов совершает 11 краж в составе организованной преступной группы со взломом и проникновением в жилища. Мотив — не хватало денег на выпивку ко Дню рождения, говорит нам свидетель Софронов в судебном заседании, утверждавший, что не пьёт, и вообще — за здоровый образ жизни.

За все эти преступления он получает условный срок. Случай беспрецедентный в российской практике! Мне такие случаи неизвестны. Из всех воров, которых я встречал в Матросской тишине, ни один вообще не получил условного срока, даже за одну кражу!

Я утверждаю — это моё мнение, что беспрецедентно мягкое наказание Софронова за его множественные преступления — это плата за его показания против

Константинова Даниила Ильича. Взятка, вмонтированная прямо в приговоры Вачского районного суда. И об этом мы будем потом говорить с [неразборчиво] отдельно.

Интересен сам облик свидетеля Софронова, моральный и физический. Физически, я думаю Вы видели: маргинальный субъект, который к суду побрился под панка. Ну а моральный облик? Свидетель Софронов собирает банду, в которую вовлекает своих друзей и свою девушку — свою любимую. В составе этой банды, он выслеживает пустующие дома в деревнях, взламывает дверь, проникает в жилища, и изымает всё ценное, что можно вынуть в этих домах: от блендеров до проводки. А затем сам сдаёт своих подельников, и даёт на них показания в суде, в том числе — на свою любовь. Ну, это то же самое, сто если бы я, например, взял Марину Ионову [2] и, например, свидетелей алиби, и начал совершать повальные кражи в посёлках и давать на них показания. Честно говоря, таких людей я вообще не встречал ещё в своей жизни.

При этом, показания Софронова постоянно меняются, как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного допроса. В первых своих показаниях от 4 декабря 2011 года, когда в его памяти были ещё свежи события 3 декабря, он ничего не говорит о Константинове, не указывает на меня как на убийцу, ничего не говорит об ударах ножом, вообще не упоминает ножа. Больше того, он утверждает, что об убийстве Темникова ему сообщили сотрудники полиции. Как это произошло — он не видел. Дословно: «свидетель Софронов не видел момента убийства». Больше того, он добавляет, что не видел того, что происходило между Темниковым и напавшим на него человеком снаружи за стеклянными дверьми метро. 6 декабря во время второго своего допроса по выделенному делу о нанесении раны Софронову он снова утверждает, что не видел убийства Темникова. Какое постоянство!

А вот затем начинается самое интересное. Сначала, когда в деле появляюсь я, Софронов указывает на другое лицо, как на убийцу Темникова — на лицо в белом капюшоне, которое он якобы опознаёт по фотографиям с марша против этнопреступности. «Лицо из кампании Константинова, нанесшее Темникову удар ножом в грудь». Затем позднее, когда это лицо, видимо, не удаётся найти, (белый капюшон), а может, по другой причине, Софронов меняет показания и заявляет, что это у Константинова была ссора и драка с Темниковым. Правда, про удар ножом в грудь уже ничего не говорится. После этого показания постоянно меняются и пополняются на протяжении всего предварительного расследования, а потом в самом судебном допросе. Действительно, как правильно заметил адвокат Бабурин Сергей Николаевич, в этот момент, видимо, кто-то был очень сильно заинтересован, в том, чтобы видеть в Константинове Данииле пока — не убийцу, а лишь только — хулигана, организатора и руководителя некой банды преступных подростков, которые нападают на людей и наносят им ножевые ранения.

Интересно то, что эта трактовка событий постепенно менялась одновременно с изменением политической ситуации в стране. Сначала, когда только начинались массовые акции протеста в России: 5 декабря, и в течение месяца, примерно, после этого — Константинов вполне устраивает органы в такой роли. Затем, когда массовость акций нарастает, происходят крупные акции на Болотной, на Сахарова, потом ещё раз на Болотной — картина начинает меняться. А в этот момент в России создаётся Гражданский Совет — орган управления протестами и орган координации совместных действий оппозиции. Даниил Константинов начинает принимать активное участие в работе этого Гражданского Совета, и даже избирается координатором фракции националистов. В начале мая Гражданским Советом планировались крупные

акции протеста: сначала 1 мая, а затем 6 мая 2012 года, которые должны были внести перелом в долгое противостояние властей и оппозиции.

Да! Мы собирались завершить наше дело. Да, мы не хотели уходить с улиц. Да, мы хотели наконец-то победить и вынудить власть пойти на компромисс с нами.

Именно в это время неожиданно меняются показания Софронова. Именно в это время, видимо принимается решение об аресте Константинова уже как убийцы, то есть это было политическое решение. И именно в это время, спустя какое-то время меня задерживают, а потом арестовывают. Интересно то, что когда меня задержали, никакого конкретного разговора об убийстве так не было. Речь шла о чём угодно: о партии «Новая сила», о национал-демократах, об акциях протеста, о маршах против этнопреступности, о планах на май месяц, и ничего — об убийстве!

Как я уже говорил, мне не сообщили даже дату этого убийства, что нашло своё закрепление во всех протоколах следственных действий, составленных 22 марта 2012 года: «в начале декабря». А потом следствие удивляется: почему Даниил Константинов не заявил сразу о своём алиби? Простите, алиби за какой день?? О чём и кому я должен был сообщать? Как я мог понять до предъявления обвинения, в чём конкретно меня обвиняют? Штука состоит в том, и это страшно признавать всем нашим правоохранителям, что невиновный человек был арестован по подозрению в убийстве, которого не совершал, но до него так и не донесли полностью информацию об этом убийстве. Он не знал вплоть до предъявления обвинения, в чём он обвиняется. Но при этом содержался в СИЗО. Представьте себе: Вас задерживают и говорят Вам: «Вы убийца!» Затем Вас доставляют в ИВС, в срочном порядке собирают, привозят в суд, где судья Маркина заявляет адвокату Шкреду, что ей

пофигу на алиби: «А мне пофигу». А Вы даже не знаете всё это время, в чём Вас обвиняют. Потому что адвокаты-то имели возможность познакомиться с материалами дела в суде, а у Вас такой возможности не было. Вас привозят в суд, и Вы, повторяю, не понимаете, что Вы в нём делаете. Вы не понимаете: как Вам защищаться и от чего, в чём вообще Вас обвиняют! Я думаю, что никто ещё о таком не слышал. Этот случай, по-моему, беспрецедентный в нашей правовой истории. И, тем не менее, он произошёл. Ну, а само задержание — это был фарс, целая войсковая операция. Бригада ОМОНа, спецназ в масках и с автоматами, и даже бронетранспортёр на задворках суда, который я увидел, вылезая из автобуса. Против Константинова Даниила пригнали бронетранспортёр.

Ну, вернёмся к Софронову. И так, его показания постоянно меняются. Сначала он заявляет, что убийца — не Константинов, потом он заявляет, что убийца — Константинов, а во время судебного допроса Софронов поплыл совсем. Первые 40 минут он довольно успешно повторяет заученные показания, а начиная с 41-ой минуты уже плывёт, и так продолжается 4 часа. Софронов неоднократно меняет показания прямо по ходу судебного допроса, его это несильно волнует. Ну, например, на вопрос адвокатов о том, откуда же Константинов достал нож он заявляет: «Из кармана». Простите, в кармане такой огромный нож вряд ли поместится! «Ну, тогда из рукава», — говорит Софронов. «Как? Вы видели, как Константинов доставал из рукава нож? А как же он дрался, имея нож в своём рукаве?» «Тогда — из ножен», — заявляет Софронов.

Это что — серьёзные показания? Это что — реальное правосудие? Это что — свидетель обвинения??

Окститесь все! Пора прекращать эту богадельню. Пора выпускать невиновного человека на волю и заниматься заново расследованием этого преступления.

У свидетеля Софронова по ходу судебного допроса

меняется всё! То он видел дерущегося Константинова с дерущимся Темниковым на верхней площадке у дверей, на выход на улицу. То он видит их в дверях, то он видит их уже за дверьми. В конце концов, он сообщает, что «ну, понимаете, входили и выходили». Причём, по логике показаний самого же Софронова, который видел замах ещё до того, как они выходили на улицу, Константинов должен был войти в метро с мёртвым Темниковым. Ну, или, по крайней мере, с умирающим Темниковым.

Не беда! — считает государственный обвинитель. Ведь, Софронов не видел самих смертельных ударов. Софронов видел замах ножом. Вот только не помнит — какой рукой. Как вы себе это представляете? Как можно помнить замах и не помнить руки?

Что же реально видел Софронов своими глазами?

Замах, который не соответствует ни в коей мере тем ранам, которые были нанесены Темникову? А что из этого следует? А из этого следует, что никто не видел нанесения смертельного удара Темникову. А значит, вообще исключена квалификация по части 1-ой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ну, максимум, что можно натянуть на Даниила Константинова, даже если полностью довериться показаниям Софронова и отбросить напрочь любое упоминание об алиби, — это хулиганство или побои. Что он якобы видел нанесение ударов кулаками Константиновым и Константинову ... Вот только снова волшебство: после такой жестокой драки Константинов остаётся целым и невредимым. Все удары по голове, которые нанёс ему Темников, остаются бесследными. Его удары по Темникову остаются бесследными, что материально, документально зафиксировано в протоколе моего осмотра от 5 декабря 2011 года в Тверском отделе полиции. Странная драка, не правда ли!

В итоге Софронов поразил и суд, и гособвинение, и защиту, заявив, что не читал протокол допроса. Ну, как и Сальников. Либо читал частями, либо читал поверхностно. Этим, повторяю, Софронов перечеркнул всё предварительное расследование. Это ещё один случай в российской правоохранительной практике, аналогов которому я не знаю. Свидетель прямо заявляет, что то, что он говорил на следствии — это туфта, что протоколов он не читал, что они написаны самовольно следователем. Второй свидетель заявляет то же самое, и ничего! Никакой реакции. Молчание ... При этом Софронов подписывал свои протоколы и не делал никаких замечаний. То есть, он прекрасно понимал, что он делает, и действовал согласованно со следователем, который его допрашивал. Если бы Софронов считал, что протокол не соответствует действительности, услышав их, как он утверждал со слов следователя, он должен был бы внести свои замечания в протокол или отказаться от подписания такого протокола, чего он не сделал. Следовательно, исходя из всей практики российского правосудия, мы должны полностью доверять показаниям, зафиксированным в протоколах.

Вот только, каким показаниям нам доверять — они все разные? Каждый новый протокол противоречит предыдущему. А судебные показания Софронова противоречат и всем предыдущим протоколам, и сами себе. В конце концов, Софронов заявил, как я уже говорил, что не видел смертельного удара ножом. Надо отметить, что сказал он это только после того, как его скорректировал государственный обвинитель. До этого — не видел, после этого — не видел. Зачем это сделано? Это сделано именно для того, чтобы оставить пространство для допущений и предположений. А) Если Софронов видел у Константинова в руках нож, пусть даже Константинов неправильно замахивался, значит в дальнейшем (быть может) Константинов нанёс Софронову смертельный удар.

Но, как мы знаем, Уголовно-процессуальный кодекс и Уголовный кодекс Российской Федерации запрещают привлекать человека к уголовной ответственности на основе предположений. И выносить обвинительный приговор на основе предположений они тоже запрещают.

Интересно то, что никого, по сути, в этом процессе истина в этом уголовном процессе не интересовала.

Интересовало другое: и обвинению и суду нужно было скорректировать показания Софронова и направить его так, чтобы получить нужные для обвинительного приговора показания. Делалось это настолько открыто и бесстыдно, что, честно говоря, я потерял всякое уважение к российскому суду. Ну, например, на наводящий вопрос государственного обвинителя про нож. «Вам не нравится траектория удара? Скажем, что это замах». Вам не нравится местоположение дерущихся, и мы скажем, что они сначала входили, а потом выходили, или не входили и не выходили...

Честно говоря, проанализировав показания

Софронова, я вообще не могу сделать ни одного

однозначного вывода. И когда мои многоуважаемые адвокаты предложили пройти Софронову «полиграф», я пришёл в смятение: а что мы должны предъявлять полиграфологу? Какие именно из многообразных показаний Софронова мы будем проверять на детекторе лжи? Он даёт свои показания таким образом, что проверить их невозможно. И каждый раз он говорит: «нужно доверять тем показаниям, которые я даю сейчас!» Я думаю, что в действительности проверить его показания с помощью «полиграфа» было бы просто невозможно. Вообще показания Софронова — это такая вещь, которой можно посвятить целую диссертацию. Вот только не знаю: по праву или по психологии. Может быть, в этом разобрался бы Ломброзо, но он уже умер. Интересно и то, с каким страхом следствие относилось к любой попытке проверки показаний Софронова и самой его личности.

Следователь категорически отказал нам в медицинском освидетельствовании Софронова во время опознания и очной ставки. Следствие категорически отказало нам в проведении психолого-психиатрического и наркологического обследования Софронова. Ну, и конечно, в проведении психофизиологического исследования на «полиграфе» на отказали. Отказал нам во всём этом и суд.

Возникает вопрос: почему? Чего именно так боялись все эти годы и следствие, и суд? Ведь если Вы абсолютно в себе уверены, почему бы Вам не сделать это? Видимо — не уверены.

Завершая с Софроновым, хочу отметить, что суд в оценке его показаний не скован тем доводом, что он именно лжесвидетельствует. Это мы так считаем. В действительности есть как минимум ещё 2 варианта, которые в тяжёлой сложившейся ситуации могут устроить суд. Во-первых, он мог быть убеждён кем-то, что именно Константинов, это именно то лицо, которое напало на его друга Темникова.

Как это делается — мы все прекрасно знаем. Я сам в своей юридической практике неоднократно с этим сталкивался, и теперь корю себя за то, что не делал соответствующих выводов и не пресекал эту практику. Делается это очень просто: в отделе внутренних дел, или рядом с ним, или где-то на прилегающей территории оперативник показывает свидетелю фотографию и говорит: «Это он! Мы нашли его! Остаётся только опознать. Здесь главное — не струсить», — говорит оперативник. Затем ему описывают внешние данные свидетеля, уточняют, что справа и слева от него будут сидеть оперативники. Свидетель заходит в зал и опознаёт нужного человека.

Такие случаи я видел неоднократно. Я не утверждаю, что следствие сознательно навело Софронова на меня. Но

предположить тот факт, что ему показали фотографию одного из возможных преступников, и именно эта фотография, первой показанная ему зафиксировалась в его памяти — можно. Также можно предположить и то (это второй вариант), что свидетель Софронов в действительности просто перепутал. В Москве очень много лысых и плотных людей, я думаю — не меньше миллиона. А фоторобот, который мы видели, подойдёт очень многим.

Это для суда. Уж если ему захочется меня оправдать, и если версия с фальсификацией уголовных дел их не устроит. А их не может устроить версия с фальсификацией уголовного дела, потому что это преступление, и потому что в нём повязаны все, кто работает в этих структурах: местное следствие, местная прокуратура, местные оперативники и местный суд, который арестовывал Константинова, и который всё это время незаконно продлял его содержание под стражей. Поэтому допустить то, что суд признает фальсификацию доказательств, я для себя не могу. Я думаю, вы тоже не можете.

Хочу отдельно отметить, что следствие по данному делу велось безобразно. Мы так и не узнали источник информации о моей якобы причастности к убийству. Не узнали, кто из оперативников, и каким способом, и кого — проинформировал об этой моей причастности. Я убеждён, что её [информации] вообще не было. Было распоряжение ГУП МВД о том, что необходимо привлечь Константинова Даниила к ответственности за убийство. То есть, заведомо ложный донос.

Вообще, это порочная практика, которую надо пресечь. Оперативные дела не должны так сильно засекречиваться. Источники оперативной информации тоже не должны так сильно быть засекречены. Люди должны чётко понимать: кто на них указывает. И, кстати, согласно Европейской конвенции о защите прав и

основных свобод, имеют право допросить лиц, свидетельствующих против них. Всё остальное — это просто заведомо ложный донос. Я думаю, нам надо поставить этот вопрос на самом высоком уровне, вплоть до Конституционного суда. Я намерен обратиться Европейский и Конституционный суд с вопросами о секретности данных материалов и с требованием их рассмотреть и предоставить обществу.

Вообще, секретность в нашем судопроизводстве — вещь особая. Вот, к примеру, можно сравнить практику защиты свидетелей в Америке и практику засекреченных свидетелей у нас в России. Знаете в чём разница? Я вам расскажу. В Соединённых Штатах Америки свидетель, выступающий против мафии, к примеру, и опасющийся за свою жизнь и здоровье, под своим именем, в своём лице, под своими данными приходит в суд и изобличает преступников. Он говорит: «Я работал с ними, я знаю, что они делали». После чего его прячут, меняют ему данные, а иногда и внешность. Что происходит в России? В России появляется некий свидетель, которого никто не знает изначально. Его данные засекречиваются: они известны только следователю и суду, то есть, по сути — никому. И потом он появляется уже на суде: в тёмной комнате, с затемнённым лицом, и глухим голосом говорит: «Я узнаю этого человека!» И ты отправляешься в тюрьму, даже не зная: кто это и о чём он говорит, как я познакомился с этим человеком, где он мог меня видеть, вообще! Может быть, там сидит, просто, оперативник Княжев или Окопный, например. Почему бы нет? Кто это проверит? Никто.

«Я узнаю этого человека. Именно он...!» Это порочная практика, и её надо пресекать. Я считаю, что мы должны обратиться к американскому опыту и использовать именно американскую систему защиты свидетеля, напрочь исключив из нашей российской системы такие понятия как секретный свидетель, секретные донесения, секретные источники и секретные материалы.

Мы должны жить в открытом обществе. Открытое правовое демократическое общество не допускает никакого секретного судопроизводства. Так же как вообще любое общество, построенное на правде и истине.

Возвращаюсь к тому, как велось следствие. Как мы узнали из показаний Софронова и Сальникова, они не читали протоколы своих допросов, то есть теперь эти протоколы можно выбрасывать в мусорную корзину. Потеряны вещественные доказательства, изъятые на месте происшествия, в том числе и фотоаппарат, на котором могли быть запечатлены окружающая обстановка, а также лица, реально причастные к этому преступлению. Не отработывались никакие другие версии преступления, кроме версии причастности Константинова. В том числе, информация, полученная от продавщицы в переходе, которая реально узнала фоторобот и заявила, что это лицо она знает, и именно этот человек совершил кражу у неё летом, после чего скрылся. При этом она подробно описывает признаки внешности этого человека, которых у меня нет: татуировки и шрам. После первого опроса этой продавщицы, который не устроил оперативные службы, никаких следственных действий с ней следователем не проводится. Потому что она не интересна следствию.

Не найдено орудие преступления. Да и как оно может быть найдено у невиновного человека? Отмечу, что орудие преступления не найдено и на месте преступления, что подразумевает, что нож был унесён с собой. Да, это косвенное свидетельство того, что преступник должен был оставить орудие преступления у себя. Но у нас всё дело строится только на косвенных свидетельствах.

Нарушения закона. Многочисленные нарушения Уголовно-процессуального кодекса, методик опознания. Проведено два опознания. Причём, второе опознание вообще не должно было проводиться — оно прямо запрещено Уголовно-процессуальным кодексом. Как

говорит УПК Российской Федерации: «Повторное опознание одного и того же лица по одним и тем же признакам запрещено». У нас здесь судебный специалист, который подробно рассказывал о методиках опознания, о том, как оно должно производиться, о том, что статисты должны быть похожи по всем параметрам, и именно это даёт возможность удостовериться в правдивости показаний свидетеля. Потому что, когда свидетель знает, что он должен опознать лысого, и этот лысый — единственный из трёх... Так, какое же это опознание? Смешнее может быть только то опознание на котором я как юрист однажды был: «Да, кстати, справа и слева, — сказал следователь свидетелю, — будут сидеть оперативники».

Вот так, друзья мои в России проводятся 90% опознаний! Людям показывают фотографии, людей инструктируют, а если они упрямятся, то на них давят. Так однажды давили на Анну Каретникову, которая не хотела таким способом опознавать невиновного узбека. Это вызвало целую истерику у оперативников.

Опознание 22 марта вообще зря считают таковым.

Когда Софронов вошёл, он не смотрел на меня. Он смотрел вниз и, не глядя, назвал мой номер. И только потом, по требованию оперативников и следователя он подошёл, поднял голову и указал на меня под фотоаппарат: «Это он». При этом он не заявлял о том, что он видел моё фото-окно, о чём была сделана отметка в протоколе, и Софронов не внёс никаких изменений. Эти слова были своевольно дописаны следователем откуда-то из другого документа. При этом, кстати, присутствовала адвокат Михалкина, которая всё это видела и может засвидетельствовать. Адвокат Михалкина давно уже не представляет мои интересы и не защищает меня в суде и никак не заинтересована в исходе этого дела. Она была готова дать показания по этому делу, и по фактам ложного протокола, и по фактам, которые всплыли в процессе

возбуждения на меня уголовного дела по статье 296 Уголовного кодекса РФ. Да, адвокат Михалкина была готова прийти в суд и рассказать о том, что реально там происходило. Что же вы думаете? После этого с Даниила Константинова были сняты обвинения в угрозах следователю.

Сняты — не-почему, просто так!

Как заявила следователю Звонкову городская прокуратура, следователь Звонков не должен был реально воспринимать угрозы человека, который уже арестован и сидит в наручниках. При этом, сам следователь Звонков неоднократно утверждал, что угрозы воспринимал реально. Ну что ж! Мы знаем, что городской прокуратуре виднее! Уж она-то знает, воспринимал ли реально следователь Звонков угрозы в свой адрес — или не воспринимал. Так или иначе, дело по части второй статьи 296 закрыто, и никто не захотел реально слушать в судебном заседании адвоката Михалкину.

А она могла бы многое рассказать! Например, о том, как проходило опознание, как давили на свидетеля Софронова. Как ему кричали: «Ты что, дурак? Ты не помнишь, что нужно говорить? Ты не помнишь, что писалось в прошлом протоколе? Хочешь, мы его отпустим сейчас?» — кричали следователь Звонков вместе с оперативниками. Обо всём этом она могла бы рассказать.

Она могла бы рассказать об угрозах в мой адрес, о фразе следователя Звонкова, когда он прямо при ней в лицо сказал мне: «Ну, не хочешь сотрудничать, значит, будешь сидеть за других». Я сказал: «Повтори!» «Значит, будешь сидеть за других», — сказал следователь Звонков. Вот такое было опознание 22 марта 2012 года.

Кстати, во время моего задержания, как я уже говорил, мне не сообщили о дате преступления, о его времени, и я вынужден был довольствоваться фразой Софронова о

том, что зимой в начале декабря что-то там произошло. То есть, я объективно был лишён возможности в ходе следственных действий 22 марта хоть что-то пояснить по данному уголовному делу. Повторяю, если кто-то сомневается, то он может обратиться к протоколам следственных действий: протокол опознания, протокол очной ставки, протокол задержания и протокол допроса подозреваемого, — в которых везде одно и то же: «в начале декабря». Не будем смеяться над другими неточностями этих протоколов. Ну, например, в том, что я подозревался «в умышленном лишении смерти». Вот от чего я должен был защищаться 22 марта? А именно эта формулировка значится в протоколе задержания: «Виновен в умышленном лишении смерти». Я не знаю, что это такое.

Ну, и наконец, самое главное. Обвиняемый, то есть я, по окончании предварительного расследования и в самом суде был фактически лишён возможности ознакомиться со всеми материалами уголовного дела. Статья 217 часть 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предельно чётко говорит о том, что по окончании ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый вправе, по своей просьбе ознакомиться со всеми аудио-, видео-материалами и фотографиями, которые прилагаются к уголовному делу. Я такое желание изъявил, и следователь мне этого сделать не дал. Затем, меня этого лишил суд сначала в ходе предварительного слушания, а затем разрешил мне это ближе к приговору. Вот, сейчас мы знакомимся с этими материалами, но не со всеми. С видеозаписями я по-прежнему ознакомиться не могу, хотя бы потому, что они не переданы в суд, а суд отказывается их запрашивать. В итоге мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: Даниил Константинов будет осуждён (или оправдан, во что я верю слабо) вообще не ознакомившись с материалами дела. Как на это будут реагировать вышестоящие суды, как на это отреагирует

Европейский суд по правам человека — можно только догадываться.

Ну, и наконец, основное. Вся работа следствия на протяжении полутора лет была направлена не на проверку алиби, которое мы выдвинули, а на попытку его опровержения. Поговорим об этом подробнее. Как я уже сказал, сразу после предъявления обвинения, то есть, когда я точно знал, в чём меня обвиняют, я заявил об алиби. Свидетели дали показания. Двое свидетелей прошли проверку показаний на месте, то есть выезжали в ресторан, подробно показывали следователи столик, как и что они заказывали, как они сидели. Следователя это не убедило. Вместо этого следователь, чтобы опровергнуть моё алиби, а не проверить, изымает из ресторана некий чек, которым, как он утверждает, это алиби опровергается. На чеке, в противоречие с нашими показаниями, стоит сумма заказа 2 (сколько там?) или 2400? А, тем не менее, в самом чеке (мы это узнали только в ходе ознакомления с материалами уголовного дела), отсутствуют все необходимые для чека реквизиты: нет ИНН организации, отсутствует название организации, отсутствует даже номер контрольно-кассовой машины, который на всех чеках пробивается автоматически. Ну, и наконец, отсутствует признак фискальности: ФП. Именно эти буквы ставятся в чеках в подтверждение того, что это именно фискальный чек. И вот такую бумажку следствие представляет сначала прокуратуре, а потом — в суд. И именно такой бумажкой, как заявляет прокуратура, опровергается алиби Константинова. Но это не чек! Потому что чек должен обладать набором определённых характеристик, которые чётко закреплены в законодательстве и в подзаконных актах. И этих характеристик в данном чеке нет, это — не чек. А что это? Есть только 3 варианта: 1) либо это просто фальшивка, изготовленная оперативниками либо в самом ресторане, чтобы выдать оперативникам, 2) либо это данные системы

«R-Keeper», которые сами по себе ничего не подтверждают и не опровергают и не являются кассовым чеком, 3) либо это «чёрная касса». Я склоняюсь к мнению, что это и есть «чёрная касса» ресторана «Дайкон», существование которой так страстно опровергали все работники «Дайкона» во время своих допросов. Это при том, что их никто об этом не спрашивал. Вот, представьте себе: читаешь протокол допроса. Вопросы нет — а ответ есть. «У нас нет чёрной кассы», — говорят официанты ресторана «Дайкон». «У нас не проходят блюда мимо кассы. У нас всё всегда фиксируется и пробивается в чек». Вот это и есть «чёрная касса»: нелегальный кассовый аппарат, не поставленный на учёт. В нём нет номера, фискального признака, и он пробивает какие-то заказываемые блюда. Что интересно, сами работники ресторана «Дайкон» в ходе судебного заседания не заявили, что это данные системы «R-Keeper», а это было бы самое простое. А эти — твёрдо и уверенно показывают: «Да, это наш кассовый чек». Вряд ли коллеги будут им благодарны за такие показания, потому что, вообще-то говоря, после такого туда должна направиться после этого налоговая проверка, найти «чёрную кассу», вытащить всё, что там находится и привлечь их к ответственности.

Но, дело в том, что в нашем деле перед нами разворачивается вся картина порочности нашего общества сверху донизу, его коррумпированности, завязанности на правоохранительные органы и силовые структуры. И вот к чему это приводит. Мы пытались отправить в ресторан «Дайкон» налоговую проверку. Знаете, кто к нам приехал? ФСБ. Федеральная служба безопасности Российской Федерации заявила, что ресторан «Дайкон» не надо проверять. «Это наши люди», — сказали они.

Вот как устроено наше общество: коррупция пропитывает его сверху донизу, насквозь! Сначала официанты по договорённости с менеджерами

обманывают собственный ресторан, проводя мимо кассы какие-то блюда и напитки. (Я думаю, даже в этом зале есть люди, которые это делают, может быть они вспомнят об этом?) Затем сам ресторан обманывает на этот раз уже налоговую службу, вводя чёрную бухгалтерию и используя «чёрную кассу». А затем, когда на этом вдруг спотыкается судьба человека, приезжает ФСБ и говорит: это наш ресторан, не трогайте его! Я думаю, рано или поздно, судьба чёрной кассы ресторана «Дайкон» всё-таки выяснится. Хотя, думаю, что нескоро. Потому что ведомства, способные соревноваться у нас в административном ресурсе с Федеральной службой безопасности практически не существует. Вообще-то говоря, я рассказываю страшные вещи. Я должен был бы бояться. О фальсификациях следствия, о том, что дело — заказное, о том, что ресторан «Дайкон» крышует ФСБ, и что нам не дали провести налоговую проверку. О том, что в самом ресторане «Дайкон» фальсифицируется отчётность и кассовые чеки. Но мне терять уже нечего, поверьте мне. 10 лет строго режима — это достаточный срок для того, чтобы чуть-чуть отстраниться, и посмотреть на всё, что происходит немного со стороны, отчуждённо: почти как мертвец. Поверьте мне!

Давайте вернёмся к алиби. В действительности алиби не опровергнуто ничем. Ведь, что такое алиби? Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, алиби — это нахождение человека в другом по отношению к месту преступления месте. То есть, человека изначально не было на месте преступления. Алиби обычно подтверждается свидетельскими показаниями. Изредка техническими средствами, ну например, — видеозаписями. Опровергнуть алиби — это значит с точностью и достоверностью опровергнуть факт нахождения данного лица в данном месте в данное время. Сделало это следствие? Нет, не сделало. Вместо этого нам говорят: «Посмотрите на чек. Там другая сумма вместо

той, о которой говорят свидетели алиби». Хотя, свидетели алиби, напомню, говорят примерно, навскидку, оценивая своё застолье с точки зрения количества блюд и напитков. Ну и что? Давайте взглянем: что должен опровергнуть чек? Даже если бы он был настоящим! Что должна опровергнуть сумма? То, что у свидетелей плохая память? Или он должен опровергнуть вкусы свидетелей? Что: наличие или отсутствие блюд в ресторане? Каким образом чек из ресторана «Дайкон», даже если бы он был настоящим, может опровергнуть нахождение Константинова Даниила Ильича 3 декабря 2011 года в ресторане «Дайкон», которое последовательно подтверждают 5 свидетелей и он сам? Каким образом это опровергается — его местонахождение? Непонятно. Может быть я — блюдо, которого нет в этом чеке? Но и это не доказывает достоверность ничего. Кстати, что интересно, часть (примерно половина) блюд, даже в этом чеке, совпадает со свидетельскими показаниями: сливовое вино, сакэ, чай и десерт. Это именно то, что мы называли. А вот блюд горячей кухни там нет. Это что: снова совпадение? Не слишком ли много совпадений? Другое совпадение заключается в том, что свидетель алиби Константинов Илья Владиславович заявляет, что он был в ресторане «Дайкон» и помнит, как он заказывал столик на определённое время. Второе совпадение заключается в том, что в биллингах телефона Константинова Ильи Владиславовича находится этот звонок в ресторан «Дайкон». Третье совпадение заключается в том, что в ресторане «Дайкон» находится тетрадь заказа столиков, в которой заказан столик именно на 6 человек, именно на это время, и именно Ильёй. Четвёртое совпадение заключается в половине совпадающих блюд. Не странно ли это? Не слишком ли много совпадений? Как вообще Константинов Илья Владиславович должен был догадаться, что в ресторане имеется такая запись? Как вообще Константинов Илья Владиславович должен был догадаться, что найдётся в биллингах такой звонок? Никак.

Между прочим, никто из официантов так и не опроверг нахождение Константинова Ильи Владиславовича в ресторане «Дайкон». Все они заявили, что не помнят, кто был в ресторане, что не помнят, какой столик они обслуживали, и не помнят даже зал, который они обслуживали. О чём их тогда вообще спрашивать?

Остаётся свидетель Мареева. Мареева, которая в ужасе от преследования правоохранительных органов даже покинула город Москву и поехала в Санкт-Петербург, надеясь, что её там не достанут. Она не хотела давать показания. Достали. Её со спецназом доставили в Москву, и поставили на трибуну, чтобы она давала показания. Но, простите, какое свидетель Мареева имеет отношение к алиби Константинова? Ведь в интересующее нас время Мареевой в ресторане не было. Свидетель опрашивается о тех фактах, о тех людях и о том времени, которого она знать не может, её там не было в принципе!

Не беда! Во спасение нам придёт мишура. «Мишура!» — говорит Мареева. «Каждый год, с 30[ноября] на 1 декабря я лично вывешиваю новогоднюю мишуру на стенах ресторана «Дайкон». На фотографиях, представленных стороной защиты, я не вижу этих украшений, значит эти фотографии в указанный день сделаны быть не могли.». Вот что спасает следствие и обвинение. Если бы не эти показания, всё остальное было бы просто смешно. Мишура!

Но, мы не доверяем материальным источникам? Ведь, в уголовном процессе принято больше верить документам, чем людям. Мы открывает документы, мы видим внутреннюю бухгалтерию ресторана Дайкон, от руки записанную. Первый раз Мареева брала деньги на украшения только 3 декабря 2011 года. Значит, только 3 декабря 2011 года она могла эти украшения купить. И развесить — позже. Ничего страшного. Мареева вспоминает, что есть старая мишура. Именно её она

развешивает по стенам вместо мишуры заново купленной и потом довешивает. Причём, как довешивает, где довешивает, что именно кто довешивает — остаётся непонятным. Никаких материальных документальных свидетельств старой мишуры мы не находим. Как она выглядит — мы узнать у неё не можем. Опять фикция! Опять устные показания, которые должны оцениваться судом точно так же, как и показания свидетелей алиби.

Алиби, как уже говорили мои защитники, подтверждается также и совершенно объективными техническими характеристиками биллингов. Все биллинги свидетелей алиби полностью воспроизводят картину, описанную ими в своих показаниях, и подтверждают местонахождение всех-таки свидетелей алиби в районе ресторана «Дайкон». Мои биллинги полностью подтверждают ту картину, которую я обрисовал в своих показаниях, вплоть до мест, которые я посещал, и ничего не говорят о месте преступления. Да, да, те самые биллинги, которые так часто решают судьбу людей. Посмотрим, как в этом суде суд оценит их. Или биллинги — это тоже фальшивка? Как понимать? Вызванный к нам в судебное заседание следователь Алтынников сказал: «Ну, биллинги... Вы понимаете, биллинги... Человек мог оставить свой телефон кому угодно». Что, шесть человек оставили свои телефоны кому-то в этот злосчастный день, оказались в других местах, а потом коварно сговорились, сбили свои показания в единую картину (забрали обратно свои телефоны), и стали готовиться к аресту Константинова. Вы представляете себе?

А что: следствие установило, кому именно Константинов отдавал свой телефон? Нет. Следствие упорно всегда утверждало, что это именно телефон Константинова, именно он ставился на прослушку, именно по нему запрашивались эти самые биллинги. Именно по нему следствие пыталось отследить мои передвижения до

тех пор, пока это вообще интересовало следствие. Что мы будем делать с этими биллингами? Непонятно.

Я считаю, что алиби нашло своё объективное подтверждение, как в ходе предварительного расследования, так и в судебных заседаниях. Свидетели алиби полностью подтвердили моё местонахождение в интересующее следствие время в ресторане «Дайкон». Их показания последовательны, непротиворечивы, согласуются между собой, согласуются с биллингами, запрошенными по их номерам телефонов, согласуются с фотографиями, представленными в суд, согласуются с данными учётной записи о регистрации столиков заказов. Их показания ничем, в действительности, не опровергаются.

Так почему я здесь? Почему я до сих пор за решёткой?

Я долго пытался осмыслить эту ситуацию, и сложил, наконец, у себя в голове целостную картину. Признаюсь: я горд тем особым вниманием, которое оказали мне российские спецслужбы. Тем, какие колоссальные силы были брошены на борьбу с Даниилом Константиновым. Представьте себе: десятки оперативников, несколько следователей в течение этих двух лет занимались только одним: тем, чтобы посадить Константинова в тюрьму. Целые управления, созданные в рамках российских спецслужб, практически целиком вошли в оперативно-следственную группу по моему уголовному делу (по делу о бытовом убийстве). Такие управления, как Главное управление по противодействию экстремизму Российской Федерации (Федеральный центр «Э») и управление «Э» Федеральной службы безопасности. Польщён! Польщён.

И всё-таки, чем я их так напугал? Кого они во мне увидели? Давайте обратимся к материалам дела. В них имеются документы пресловутого «Центра Э». В том числе, постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну. Да, да!

Константинов Даниил Ильич уже стал государственной тайной. Что там ещё в этих засекреченных сведениях — даже страшно подумать! Что же пишут сотрудники Центра «Э» в своих документах? Они рисуют страшную картину, они рисуют страшный образ Даниила Константинова, его знакомых и близких: «возглавлял экстремистские сообщества», «нарушал оперативную обстановку в городе», «проводил массовые акции протеста, в том числе, и несанкционированные», «осуществлял финансирование экстремистской деятельности в России при помощи незаконных финансовых схем и аффилированных коммерческих структур» вместе со своим отцом, который уже давно ушёл из политики, и вернулся в неё только потому, что арестовали его сына. Демонический образ, демонический. И — ничего. В течение этих двух лет, которые прошли с момента представления этих материалов дела, ни приведено никаких фактов, подтверждающих эту информацию. Не названа ни одна аффилированная коммерческая структура, которая бы занималась финансированием экстремизма в России. Не указана ни одна незаконная коммерческая схема, которую использовал коварный, inferнальный Константинов, финансируя, организовывая, возглавляя и координируя экстремизм в России. Вместе, кстати, с другими организациями, такими как: «Русское общественное движение» (да, да, Костя [3], ты там тоже есть), Новая сила и так далее, и тому подобное. Уголовных дел, по фактам, изложенным в документах, тоже не возбуждено. И что же нам делать? В очередной раз привлечь сотрудников Смирнова и Диденко за заведомо ложный донос? Ведь это и есть заведомо ложный донос! Человека обвиняют в финансировании экстремизма, в организации несанкционированных акций, в подготовке боевиков и т. д., и т. п. А фактов никаких нет и уголовных дел! Так, я давно должен был быть привлечён к ответственности по этим составам! Это те составы преступлений, по которым наше

государство не медлит никогда! Уж тем, кто присутствует в нашем зале, это известно.

Ничего! Всё ещё [неразборчиво]. Вместе с самими сотрудниками центра «Э» ГУ МВД, которые так и не пожелали явиться в наш судебный процесс и ответить на поставленные нами вопросы. Но мы-то ответ получаем: вот кого изначально видели в Данииле Константинове — российские спецслужбы. Затем происходит арест, обыски в офисах и квартирах, изымается множество компьютеров, бухгалтерий и бумаг. Видимо, осуществляется поиск чего-то, что может подтвердить все эти данные. Спецслужбы жадно ищут какую-то информацию, которая может им в этом помочь — и не находят ничего. В восьми изъятых компьютерах, во всех предметах, изъятых в квартирах, во всех документах, изъятых в офисе у отца, не находится ничего, относящегося ни к смерти Темникова, ни к экстремистской деятельности. Не удалось даже поживиться даже запрещённой литературой — не оказалось.

А что же было на самом деле? Каким был Даниил Константинов на самом деле все эти годы? В

действительности всё было иначе. Я начал заниматься общественной деятельностью ещё будучи студентом юрфака. Тогда мы вместе с нашими товарищами создали небольшую оппозиционную организацию и боролись в том числе с уплотнительной застройкой у меня в районе и в других местах в городе Москве. Причём, замечу: организация эта прекратила своё существование фактически вместе со всей остальной оппозицией, выраженной тогда в коалиции «Другая Россия». Когда оппозиция смирилась, прекратила проводить свои «Марши несогласных» и фактически капитулировала, тогда ушли с политической арены и мы. Я пошёл в политическую журналистику, стал освещать деятельность различных оппозиционных партий и движений, в том числе «Движения против нелегальной эмиграции» и ряда других.

И только весной 2011 года, видя, что политическая ситуация в стране назревает, я начал снова заниматься политикой. Тогда в России развивалась кампания «Хватит кормить Кавказ!», и я присоединился к националистам, которые эту кампанию проводили. Я считал и считаю, что эта кампания была правильной. И я увидел, что впервые за многие годы русские националисты выдвинули цельную, позитивную и рациональную программу. Ведь речь шла не о чём-либо, а о бюджетном равноправии российских регионов, которое гарантировано Конституцией России — основным законом.

Речь шла не о чём ином, а о том, чтобы перенаправить потоки финансирования с мятежных сепаратистских кавказских республик, возглавляемых, фактически, местными князьками за службу российской власти, в сторону умирающих, погибающих русских регионов. И мы были правы в этом! Потому что вся политика России на протяжении последних сотен лет, извращённая, повторяю, имперская политика была направлена всё это время на развитие периферии в ущерб русскому центру. Аналогов такой политики в мировой истории Вы не найдёте. Если Вы будете сравнивать Российскую империю с Британской, то сильно удивитесь: британцы всегда помогали себе. Мы помогает кому угодно, например, Рамзану Кадырову. Вот эта политика вкупе со всеми трагическими событиями двадцатого века в России привела к тому, что социологи называют «национальной смертью русского народа». Вы представляете, что это за страшный диагноз? Ведь речь идёт о постепенном угасании целой нации! Угасании во всех смыслах этого слова: демографическом, экономическом и даже — моральном. Вместо Суворовых у нас теперь Софроновы.

И вот против этого, для того, чтобы возродить наш народ, придать ему силу и энергию, вернуть его к жизни, в том числе экономически (а экономика — это основа обычной жизни), мы и проводили эту

кампанию. Да, лозунг был довольно экстремальным. Но этого требовал момент. Для того, чтобы привлечь внимание к проблеме — её надо обострить. Мы обострили, у нас получилось. Но при чём здесь финансирование экстремизма в России? Замечу: все массовые акции, проведённые в рамках этой кампании, были согласованы властями и даже отчасти поощрялись. Присутствующие в этом зале, кто имел отношение к кампании «Хватит кормить Кавказ!», могут это подтвердить. Ничего экстремистского в этом не было. Ничего сильно оппозиционного, на самом деле, — тоже. Да, вместе с другими требованиями мы требовали ликвидации монополии партии «Единая Россия». Но, если уж это — экстремизм, то пора собирать вещички. В стране, в которой критика доминирующей партии является экстремизмом, делать нечего.

Но, как говорил Дантон, Родину не унесёшь на подошвах ботинок! Зато унесёшь свою голову, скажут другие, те, кто умнее и уже покинули Россию. Но мне надоел этот бег. Я не хочу уезжать отсюда. А Дантон мне нравится больше! Пусть даже мёртвый, с отрубленной головой. Повторяю: я не сомневаюсь сейчас, что всё, что мы делали осенью 2011 года, было правильно. Больше того, наша кампания получила дальнейшее развитие, когда мы влились в общее протестное движение и сумели, наконец, объединить национально мыслящую массу молодёжи с либералами и левыми. Вот это и напугало власть. Вот это и послужило сигналом к репрессиям. Именно тогда, когда Гражданский Совет готовил массовые акции протеста (совместные акции протеста!), через похищение людей, избиение, угрозы, запугивание и фальсификации уголовных дел. Но, ни следствие, ни суд не пожелали приобщить к материалам дела моё выступление на Гражданском Совете, где я прямо рассказывал обо всех этих явлениях, и где я призывал... Нет, не к бегству! Я

призывал к тому, чтобы сопротивляться этим явлениям, тому, чтобы публично их озвучивать.

Ваша честь, Вы можете всё это просмотреть в

видеозаписи. Вы не увидите там ничего, что свидетельствовало бы о том, что Константинов собирается скрываться. Константинов 20 марта 2012 года выступал перед широкой аудиторией: перед Сетевым общественным телевидением, — и просил всех подписать пакт о самозащите оппозиции от агрессии со стороны российских спецслужб.

Я был и остаюсь сторонником объединения всех отрядов оппозиции. Я считаю, что это самая большая, а быть может, и единственная угроза действующему в России режиму. А режим это прекрасно понимает. Только вместе, сообща, действуя согласованно и последовательно, мы можем добиться хотя бы каких-то уступок. Добиться того, чтобы нас признали равной политической силой, добиться того, чтобы в нас увидели людей, и прекратили нас преследовать, с использованием мощи всей полицейской машины.

А почему так вообще происходит? Почему в 21-ом веке, в одном из самых развитых, казалось бы, государств, в бывшей и нынешней империи (возможно, последней оставшейся мире империи) происходят такие вещи? Почему полиция, ФСБ, прокуратура и суды используются против активистов и лидеров оппозиции? Потому что в России сформировано полицейское государство.

И причин тому много. Здесь и тяжёлая историческая наследственность, и события последних десятилетий и лет. Ещё совсем недавно существовала советская империя, которая единой идеологией, единой партией и силой скрепляла самые разные народы, сильно отличавшиеся друг от друга по уровню развития, менталитету и образу жизни. Поражение в холодной войне, тяжёлый экономический кризис, национальные

движения в национальных республиках... Кстати, всё то, что мы видим и сейчас по отношению уже к Российской Федерации, привели к краху Советского Союза, на обломках которого возникло множество независимых государств, в большинстве из которых силами местных элит были созданы национальные государства.

В России ничего подобного не произошло. Мы, как всегда пошли своим путём. Россия стала крупнейшим осколком Советского Союза, многонациональной Федерацией, лишённой единой идеологии и (на время) единого сильного центра. Радикальные рыночные реформы, проводившиеся на фоне углублявшегося кризиса, привели к окончательной маргинализации большинства нашего населения, отбросив их на обочину жизни, в сторону криминала и борьбы за выживание. Конфликт 93 года, закончившийся кровопролитием, две чеченские кампании и принудительная централизация федеральным центром приучили наши элиты к мысли о том, что сила является единственным аргументом в споре с обществом. Что этим обществом можно руководить только посредством прямого насилия.

Создалась ситуация опасная, чреватая настоящей диктатурой силовиков, настоящими репрессиями, террором. И этот террор уже набирает обороты. Оставим за давностью событий жертв 93 года и двух чеченских войн. Оставим за невыясненностью гибель многочисленных общественных деятелей и журналистов, смерть боевых генералов и офицеров Российской армии. Этого, видимо, мы не узнаем уже никогда. Обратимся к чисто политическим репрессиям, характер которых государство никогда не скрывало.

С начала двухтысячных годов в России начала проводиться политика закручивания гаек. Партии ликвидировались, выстраивалась вертикаль власти, национальные движения подавлялись, включая русское

национальное движение. Оппозиция загонялась в своеобразный загон. Единственными дееспособными силами, сформированными в России после кризиса 90-х годов, оставались только силовые структуры и этнические кланы. В этих условиях власть начала настоящую атаку на политическую оппозицию. Первыми в топку политических репрессий пошли национал-большевики Эдуарда Лимонова и молодые националисты, сотни и тысячи которых сидят в тюрьмах по всей стране, я вас уверяю в этом. И доказанность их вины, так же как и в моём, на самом деле — весьма сомнительна. Это к словам о политических репрессиях. Сейчас мы уже наблюдаем, что уже все отряды оппозиции подвергаются политическому давлению с использованием спецслужб. Основным инструментом этого давления является Главное Управление по противодействию экстремизму, деятельность которого видна нам постоянно невооружённым взглядом.

Но, опять-таки, почему именно я? Почему именно против Даниила Константинова было сфабриковано обвинение в столь серьёзном преступлении — убийстве? Ведь сфальсифицировать такое дело «под ключ» — дело экстраординарное. Всё потому, что в России сформировано полицейское государство. И можно бежать отсюда, а можно остаться. Но по поводу бегства я уже высказался.

Всё потому, что в России сформировано полицейское государство. И не надо иллюзий: дело не в Путине, вернее, не только в нём. Полицейское государство пронизывает всё наше общество сверху донизу. А методы и средства остаются одними и теми же от районного отдела полиции до Генпрокуратуры и ФСБ: шантаж, угрозы, провокации, вербовка, фальсификация уголовных дел.

И не важно, кто ты: публичный политик, предприниматель, обычный гражданин или наркобарыга, который находится

под контролем местных оперов. Всё равно ты должен работать в системе. Если ты не работаешь в системе, система начинает работать с тобой.

В России сформировано полицейское государство.

Полицейское государство, как и любая другая власть, но в особенной степени, основано на принципе «разделяй и властвуй». Необходимо сравнить между собой разные классы и силы общества, разные отряды оппозиции и умело манипулировать ими. Тот, кто не хочет участвовать в этой игре, тоже противопоставляет себя системе.

В России сформировано полицейское государство. И

государство это основывается на страхе и подчинении. Свободная человеческая личность, исповедующая собственные взгляды и идеи, чужда полицейскому государству. Ей здесь не место.

Я не подпадаю ни под один из типов людей, удобных для полицейского государства.

Я не работаю в системе, я отказался от вербовки Центром по противодействию экстремизму. Я не хочу бежать отсюда, я хочу продолжать бороться здесь, в этой стране, за наши права. Я не признаю игр и манипуляций, когда власть заставляет сталкиваться нас между собой и не замечать наших общих интересов. И, наконец, я не люблю подчиняться. Я считаю, что человеческая личность имеет право на свободное развитие, особенно в современном мире. Все эти факты в совокупности, на фоне нарастающих политических тенденций, выраженных в массовых акциях протеста, очевидном политическом кризисе 2011 – 2012 годов, привели к тому, что именно Даниил Константинов, как наименее удобный из всех представитель оппозиции, был обвинён в таком тяжёлом преступлении.

Вы спросите меня: ну, а остальные? Почему именно я? Ну, во-первых, у остальных не всё так складно. И здесь, в этом зале есть люди, осуждённые по политическим статьям, такие как Константин Крылов. Мы знаем многих их тех,

кого сейчас преследуют по самым разным составам от Алексея Навального до Сергея Удальцова. Что касается остальных, то лучше спросите у них, почему ещё не в тюрьме? Есть многие, кто позиционируют себя как радикальные революционеры, которые выдвигают радикальные лозунги, но за этим ничего не следует. И здесь есть над чем задуматься.

В России сформировано полицейское государство, и мы не хотим жить в таком государстве больше.

В России сформировано полицейское государство — и этому нужно противостоять!

В России сформировано полицейское государство, и только организованное гражданское общество, опирающееся на взаимную солидарность, и готовое в легальной и мирной борьбе за свои права, способно этому государству противостоять. Способно навязать ему свою волю и заставить с собой считаться.

В России сформировано полицейское государство. Мы должны осознать это и сделать всё, от нас зависящее, чтобы изменить характер этого государства. Изменить, повторяю. Я никогда не призывал и не призываю к разрушению государства. Я никогда не был сторонником территориального раздела Российской Федерации или отделения от неё каких-то территорий. Я никогда не был сторонником террора или гражданской войны.

Но, мирное ненасильственное сопротивление полицейскому государству мы обязаны оказывать. Опять-таки, на всех уровнях: от районного отдела полиции до ФСБ.

(Аплодисменты.)

Политик должен быть актуальным. Когда-то я выступал против уплотнительной застройки в Москве. Когда-то я выступал прежде всего против нелегальной иммиграции и

этнопреступности, которые на тот момент представляли большую угрозу. По России прокатилась целая волна этнического террора, волна убийств русской молодёжи, мы все это помним. Тогда мы правильно на это среагировали. Вместе с нашими товарищами мы выступили против этого, и была создана целая организация «Лига обороны Москвы», которая, повторяю: в союзе с другими организациями и движениями пыталась эту проблему решить.

Но, поверьте мне: человек, столкнувшийся с полицейским произволом в России, человек, который увидел как тысячи, десятки тысяч людей ежегодно буквально перемалывают в отделах внутренних дел, в прокуратурах, судах, тюрьмах и лагерях, не может этому не ужаснуться и не выступить против этого.

Мы столкнулись со страшной ситуацией: вялотекущей гражданской войны, когда целая часть общества, выраженная в людях в погонах, позволяет себе открыто терроризировать и уничтожать всё остальное общество. Это — недопустимо!

Когда-то я ссылался на Древний Рим, а ведь Москва называла себя Третьим Римом. А это серьёзная заявка! И действительно, было время, когда русская элита задала очень высокий стандарт общественного поведения. Тогда не застрелиться, будучи опозоренным, человеку в погонах было нельзя! Сомневаюсь, что кто-то из тех, кто инициировал и провёл это дело, застрелится. А наверное, следовало бы. Потому что есть такое понятие как Честь. Хотя, у них её, видимо, — нет.

(Аплодисменты.)

Я ухожу, и видимо, — надолго. Потому что очень сомневаюсь в справедливости нашего правосудия. Когда попадаешь в тюрьму, тебя частенько захлёстывает отчаяние. Тюремное заключение напоминает летаргию.

Говорят, Гоголь расцарапал крышку гроба, проснувшись от летаргического сна и ужаснувшись тому, что он похоронен заживо. Но, железную крышку нашего гроба — дверь камеры — не расцарапаешь ногтями. Оттуда просто так не выйти. Поэтому сейчас, пользуясь своим положением, положением невыгодным, я призываю и прошу вас всех: забудьте личные обиды и раздоры, отставьте в сторону амбиции и мелкие политические интересы, различия в идеологии. Сейчас мы все должны объединиться и добиться одного: общество должно вернуть себе контроль над властью.

(Аплодисменты)

Я призываю вас сделать всё для этого, несмотря на то, что вы видите здесь своими глазами. И не бойтесь ничего! Тюрьма — это ещё не самое страшное.

Знаете, напоследок я хочу сказать следующее. Принято говорить, что оппозиция вредит родине. И это принято говорить в любые эпохи. Всегда есть официозные СМИ, публичные деятели, которые будут вещать от имени государства. Но, оказавшись в тюрьме, я вдруг задумался: а что такое Родина на самом деле? Некоторые считают, что это территория, государство; другие считают, что это нация или культура. Я смотрю на вас всех, кто находит в себе силы и время приходить к нам на суды и поддерживать политических заключённых, и понимаю одно: Родина — это мы. Вот это надо запомнить.

(Аплодисменты, зал встаёт.)

Спасибо вам! Спасибо вам большое за поддержку!

(Аплодисменты.)

Во мне борются два начала: человек и политик. Человек хочет быстрее домой, к своим близким. Он хочет, чтобы быстрее закончилось то, что с ним происходит. А политик говорит «нет, ты должен остаться. И тогда люди смогут

пойти до конца.» Сейчас я не нахожу ответа до конца, кто я — человек или политик.

Поэтому Ваша честь, я ничего не прошу, решайте сами.

Аплодисменты, крики «Браво!». Зал скандирует «Свободу!».

Судья объявляет, что приговор будет оглашён 26 декабря, и удаляется.

Зал провожает Даниила Константинова, которого уводит конвой.

17.12.2013

Чертановский суд города Москвы

[1] Убийство произошло около метро «Улица академика Янгеля».

Здесь и далее в тексте: «Янгеля» - это станция метро «Улица академика Янгеля».

[2] Марина Ионова — жена Даниила

[3] Эта реплика обращена к лидеру РОД Константину Крылову, находящемуся в зале суда.

Дело Константинова

7  13 